

«Театральная весна-85»

Портрет у знамени Победы

Десять дней продолжался в Омске традиционный весенний праздник энтузиастов театра — областной смотр народных талантов, посвященный 40-летию Великой Победы. Десять дней десять городских и сельских коллективов скорбно и гневно, благодарно и восхищенно вспоминали годы минувшей войны и тех, кто шел к победному маю...

Подведены итоги смотра. Лауреатских дипломов удостоены спектакли «Так называемая личная жизнь» по К. Симону (народный театр поэзии ДК нефтяников, режиссер Л. Ермолаева) и «Рядовые» по А. Дудареву (Исилькульский народный театр, режиссер Н. Глевский). Дипломами I степени отмечены спектакли «Птицы нашей молодости» И. Друца (Калачинский народный театр режиссер З. Кандыба), «Где твой брат, Абель?» Ю. Эддиса (народный театр «Парабола» ДК моторостроителей, режиссер Л. Меерсон), «Раненые» В. Крымно (народный театр ДК завода им. Козицкого, режиссер О. Киргинцев), «Под кожей статуи Свободы» Е. Евтушенко (народный театр ОмСХИ, режиссер Л. Ермолаева). Дипломы II степени заслужили работы народного театра ОмГУ «Поиск» («Страх и отчаяние III империи» Б. Брехта, режиссер Н. Козорез), молодежного театра «Мечтатель» ДК «Звездный» («Бранденбургские ворота» М. Светлова, режиссер Т. Умнякова), Тарского («Трибунал» А. Макаенка, режиссер Г. Бизлев) и Большеременского («Люди этого часа» С. Гансовского, режиссер Т. Мотовилова) народных театров.

Смотр показал бесспорный подъем общего творческого уровня, поиск добротной драматургии, интересные режиссерские искания (мы увидели внерамповые спектакли и массовое политическое действо, порадовались работам хорошей реалистической школы и постановкам, проникнутым духом студийности, импровизационности, отметили богатство сценических красок — от убедительного психологизма до острого гротеска).

Но главное, на мой взгляд, вот в чем: трудно вспомнить смотр, на котором было бы столько антерских удач. Судите сами: дипломами лауреатов и дипломами I степени жюри отметило более 30 исполнителей. Отметим по праву: каждая антерская работа — выразительный, впечатляющий штрих к портрету поколения, завоевавшего Победу.

Опустив детальный разбор антерских удач, посмотрим в эти лица, в эти души так же пристально, как участники смотра.

Герои почти всех спектаклей предстали перед нами без романтических котурнов, без яркого ореола. Они существуют в прозаических буднях войны: буднях вынужденного затишья между боями, в трудных буднях следящего за фронтом тыла, в горестных буднях оккупации. Среда их обитания — Москва с затемненными окнами, маленький санбат, затерявшийся в лесных болотах, захваченная гитлеровцами белорусская деревня, берлинское предместье, от которого до рейхстага — еще десятки, сотни смертей...

Нет, это не нарочитая героизация — просто суровая правда. И обстоятельность, в которых живут и умирают герои спектаклей, не хуже, чем пламя боев, высвечивают прекрасные души поколения.

Мы видим военного корреспондента Лопатина (С. Жулей) из спектакля «Так называемая личная жизнь» не столько при исполнении корреспондентских обязанностей, сколько в общении с близкими в Москве, — такой уж отрезок его военной судьбы взят инсценировщиком. Внешне замкнутый, жестко отрешенный, Лопатин, однако, виден нам во всей редкостной наполненности внутренней жизни. В ней — любовь и ненависть, нежность и сострадание, тепло дружбы и суровое непримиримое предательства. И над всем этим — ежесекундная готовность к новой дороге на фронт, откуда он привезет для своей газеты большую мобилизующую правду.

Мы не увидим его друга и коллегу Гурского (А. Фролов) в огне боя, но он, такой добрый, мирный, домашний, поразит нас страстью своего нетерпеливого стремления туда, где военкоры «на эмке драной» и с одним наганом первыми врываются в города...

Мы не увидим близких Лопатину и Гурскому женщин за работой, в тыловой массе, кующей оружие Победы. Но все они, такие хрупкие перед громадой войны (и Нина О. Рудавой, и Ника Л. Дубининой, и Беата Борисовна С. Жиденовой, и Зинаида Антоновна Н. Жулей), покажут такой пример нравственной красоты и нежности, что невольно подумаешь — о любой

из них мог написать поэт: «Ожиданием своим ты спасла меня»...

На самой границе между войной и миром живут и гибнут герои спектакля «Рядовые». Здесь, на берегу Победы, на их плечи давят вся громада войны, вся горечь невосполнимых утрат. Кажется, что войною непоправимо ранены сердца отчаявшегося вновь обрести любовь и счастье Дугина (Э. Генжель), оцепеневшего, помертвевшего от горя, прелетевшего призраком погибшей жены Дервоведа (Н. Глевский), страшного в своем неверии в исцеление раненого войной поколения Буштца (А. Кузнецов)... Кажется, не поправимо... Но нет, вовсе не ожесточились, не окаменели эти сердца, если способны они на такую огромную, отцовскую, братскую нежность к юному Одуванчику (А. Кличко), если так самоотверженно оберегают его жизнь, — ростонок радостного послевоенного завтра...

...Они, здоровые и легко раненные, могли бы уйти из избы лесника, приютившей оторванный от родной части санбат, могли бы пробиться к своим, выжить. Но тогда пришлось бы предательски бросить беспомощных. В невозможности такого предательства убедились даже те персонажи спектакля «Раненые», кто рещался было уйти. В часы трудного испытания они делают достойный солдатской чести выбор. И для каждого — и для мужающего на войне молодого врача Шевелева (Е. Веревкин), и для работающего, смиренного пожилого санитаря Рогатина (А. Тупоногов), и для неуправляемого, себялюбивого Плюща (А. Кабаков), и для суровой дикарочки Ани (И. Плотникова), нашедшей в этом санбате свою первую любовь, — высочайшим примером мужества и милосердия, верности долгу и терпеливо-деятельной надежды становится военфельдшер Варя (Л. Розанова). Даже гибель ее не расслабляет оставшихся в живых — напротив, заставляет предельно собраться, призывает к тягкому, но неизбежному прорыву ради спасения товарищей... Трагикомический строй пьесы «Трибунал» вынуждает ее героя, белорусского пастуха Терешко (Г. Бизлев), по приказу партизанского командования согласившегося стать старостой в оккупированном селе, долго ходить в личине предателя, бурно и суетливо радующегося «повышению». Личина эта, принятая за истинное лицо даже близкими Терешко, жалка и омерзительна. Но в минуты ожидания казни, к которой единодушно приговорил его домашний «трибунал», мы читаем в глазах Терешко не страх, не растерянность — читаем гордость за высокими и непоколебимый патриотизм своей семьи.

...Нет, все-таки были на сцене и котурны, и романтический ореол. Без них молодежному театру «Мечтатель» нельзя было бы играть пьесу Светлова с ее приподнятым строем, с ее поэтическим пафосом. Театр поставил апофеоз прекрасному, светлому, крылатому поколению, всеми силами юных сердец рвавшемуся к Победе. Спектакль идет вне рампы, но и на тесном сценическом пространстве массовка воспринимается как монолит, как многофигурная скульптурная композиция мемориала. «Сольные» же эпизоды и дуэты ярко высвечивают прекрасные лица прямого, отважного, целеструменного Охотина (А. Румянцев), становящегося на войне не только командиром, но и Человеком, Шпионом (С. Зайшлый), пылкого, одухотворенного Бекпергена (А. Малыхин), строгой, цельной, целомудренной Татьяны (Н. Гинзбург), пленительно-женственной, лукавой и ласковой, словно песня, Кати (Г. Шилыева)... И светловские светлые строки, наполняющие спектакль, — словно свет Вечного огня...

А война не окончилась там, у Бранденбургских ворот. Она долгие годы идет за нами следом, заставляя считать точкой нравственного отсчета высокие законы воинской чести. Война идет по нашей жизни непрощающей памятью и неугасимой надеждою.

...Он совсем было успокоился, устроил благополучное бытие, этот Второй (В. Конаков) из спектакля «Где твой брат, Абель?» Он уверен: никто не знает, что когда-то, взятый в плен, он спасал свою шкуру, выдав гестапо товарищей и встав под грязные штандарты РОА. Но непрощающая память Первого (А. Просвиркин) настигает его в мирном южном городке, чтобы судить беспощадно, судить судом, страшнее которого не найти. Первый, который все еще тяжело болеет болью войны, заставляет Второго вспомнить и пережить заново все. И признаться во всем в письме сыну, одному из тех, для кого отвоевывали у фашизма мир и солнце такие, как Первый...

Сколько воды утекло с тех пор, как получила молдавская крестьянка Артина (Т. Страданова) известие с войны о том, что муж ее пропал без вести, а все ждет, замирает нежным, тоскующим сердцем. И героиня спектакля «Птицы нашей молодости» — суровая и шедрая ведунья Руца (З. Кандыба) не гасит огонек этой надежды. Вновь и вновь рассказывает она Артине, как будто вести сады, и скрипит калитка, и сапог ступеньки крыльца, и скажет муж, вернувшийся наконец из военного далека, долгожданные слова... Ведь для любящих павшие живы...

Нет, не все они дошли до Победы, герои юбилейного смотра. Не встретили счастливого майский день военкор Гурский и военфельдшер Варя, капитан Охотин и рядовые Дервоед и Бекперген, как не встретили его, положив за него жизнь, миллионы солдат.

Но в памяти нашей все они стоят сейчас у святого знамени Победы.

Е. ЗЛОТИНА,
председатель секции критики
Омского отделения ВТО,
член жюри смотра.